

УДК 343.131.8

DOI: 10.17223/22253513/21/9

В.Ю. Стельмах

ХАРАКТЕР ИСТИНЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматривается вопрос о цели уголовного судопроизводства. Автором проанализированы сформировавшиеся в настоящее время концепции объективной (материальной) и формальной (процессуальной) истины, приведены аргументы в поддержку концепции объективной истины, поскольку только после ее достижения возможно вынесение по делу законного, обоснованного и справедливого решения. Предложены основы концепции судебной истины как некоего более общего контура.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, цель судопроизводства, познание, объективная истина, судебная истина.

Одним из наиболее дискутируемых вопросов в науке уголовно-процессуального права в последние десятилетия является вопрос об определении цели уголовного судопроизводства. Представляется очевидным, что такой целью является установление фактических обстоятельств совершения преступления. Только если соответствующие факты выяснены, возможно принятие законного и обоснованного решения по уголовному делу.

Во-первых, данный постулат напрямую вытекает и из нормативных требований, в частности, из сформулированного в ст. 73 УПК РФ предмета доказывания, безусловно предполагающего необходимость установления всех значимых обстоятельств совершения преступного деяния. Пленум Верховного Суда Российской Федерации подчеркивает, что в приговоре должно содержаться описание преступного деяния, всесторонний анализ доказательств, на которых суд основал свои выводы, отношение подсудимого к предъявленному обвинению и оценка доводов, приведенных им в свою защиту (п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре»). Выполнение названных требований возможно лишь при установлении фактических обстоятельств совершения деяния.

Во-вторых, в соответствии с требованиями ст. 297 УПК РФ приговор должен быть законным, обоснованным и справедливым, т.е. отвечать требованиям уголовно-процессуального закона и быть основанным на правильном применении уголовного закона, что может иметь место лишь тогда, когда в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства факты установлены так, как они имели место в реальной действительности.

Таким образом, уголовное судопроизводство имеет конечной целью выяснение обстоятельств совершения преступления. Указанное состояние есть не что иное, как достижение истины по уголовному делу. Это в полной мере соответствует философскому пониманию истины как правильного, адекватного отражения предметов и явлений действительности познающим субъектом путем его чувственного или интеллектуального постижения. Истина вос-

производит реальность такой, какой она есть сама по себе, вне и независимо от сознания познающего субъекта [1. С. 274; 2. С. 512–513]. Следовательно, целью уголовного судопроизводства является установление истины. Данный подход в целом разделяется в науке уголовного процесса. Л.М. Володина справедливо отмечает: «полная реализация уголовного (и вместе с тем уголовно-процессуального) правоотношения означает: все обстоятельства дела исследованы полно и всесторонне, преступление раскрыто, преступник изобличен и наказан, а общество ограждено от личности, представлявшей угрозу его устоям» [3].

Однако относительно содержания понятия «истина» в науке единства мнений не достигнуто. Напротив, по данному вопросу сложились две концепции, причем поддерживающие их ученые высказывают, по сути, диаметрально противоположные точки зрения, не предполагающие какого-либо сближения.

Первая концепция провозглашает целью уголовного судопроизводства «объективную» («материальную») истину, под которой понимается соответствие знаний, полученных в ходе расследования и судебного рассмотрения дела, реальным обстоятельствам совершенного преступления. Вторая концепция объявляет в качестве цели уголовного судопроизводства «юридическую» («формальную») истину, рассматривая ее как совокупность проанализированных судом сведений, которая признана им достаточным для принятия решения по делу. Иными словами, концепция объективной истины требует установить обстоятельства так, как они имели место в реальной действительности. Соответственно, пока этого не произошло, цель уголовного судопроизводства не достигнута и установление соответствующих фактов должно продолжаться. Концепция юридической истины состоит в том, что суд должен проанализировать доказательства, добытые и представленные суду сторонами, выбрать ту совокупность, которая признана более убедительной, и на ее базе принять по делу решение; добиваться знаний о действительных обстоятельствах содеянного не требуется.

Концепция объективной истины подвергается масштабной критике с конца 1990-х гг.. В качестве одного из возражений выдвинут тезис о том, что достижение объективной истины невозможно, поскольку правоприменитель (судья, прокурор, следователь) не присутствовал при событии преступления. Американский правовед У. Бернэм по этому поводу указывал: «...само событие как таковое не может быть воспроизведено в суде. Идея заключается не в том, чтобы установить «истину» о событии, а в том, чтобы выяснить, какая трактовка события отражает наиболее правдоподобное его восприятие» [4. С. 116–118]. Вслед за этим объективная истина некоторыми российскими учеными была объявлена фикцией [5. С. 301].

Тезис о принципиальной невозможности установления реальных обстоятельств совершенного преступления представляется далеко не убедительным. Познание в рамках уголовного судопроизводства подчиняется общим законам гносеологии, в том числе научного познания. История человеческой цивилизации красноречиво подтверждает то, что человек смог, используя различные способы познания окружающей действительности, установить мно-

гие факты и обстоятельства, при создании и развитии которых люди никогда не присутствовали и не могли присутствовать в принципе.

Приведем лишь наиболее очевидные примеры. Человек в существующем виде ни при каких обстоятельствах не в состоянии лично побывать на Солнце, однако астрономы, астрофизики и представители других научных специальностей сумели постичь состав и обусловленные им закономерности «поведения» звезды. А.Г. Спиркин в связи с подобными ситуациями весьма уместно указывает: «...основоположник позитивизма О. Конт некогда заявил, будто человечеству не суждено узнать химический состав Солнца. Но не успели высохнуть чернила, которыми были начертаны эти скептические слова, как с помощью спектрального анализа был определен состав Солнца» [2. С. 477]. Космические масштабы не позволяют совершать на современном этапе развития науки и техники межгалактические, межзвездные и межпланетные путешествия, однако это не помешало людям установить структуру планет, звезд, планетных и звездных систем, многие закономерности их развития. Гигантские расстояния и яркость света звезд не позволяют увидеть планеты, обращающиеся вокруг других светил, даже в самые мощные телескопы, однако по особенностям движения небесных тел человечество овладело алгоритмами определения наличия или отсутствия планет, отдаленных от Земли на пространства, исчисляемые в парсеках и световых годах. Дифракционный предел для видимого света не позволит человеку увидеть атом ни с помощью органов зрения, ни с помощью усиливающих приборов, однако по косвенным признакам люди сумели открыть и выявить закономерности «поведения» не только молекул и атомов, но и несоизмеримо более мелких по сравнению с ними элементарных частиц. Люди застали ничтожно малый период в геологической истории Земли и не были очевидцами событий, имевших место миллионы лет назад, что не помешало воссоздать историю развития планеты, смен климата, трансформации континентов, эволюции живых существ.

В силу этого неясно, почему возможностям научного познания, настолько результативно использованным практически во всех областях человеческой деятельности, отказывается в эффективности в сфере уголовного судопроизводства. В этом плане следует согласиться с Л.А. Мусаэляном, справедливо отметившим, что «научные факты имеют ретроспективный характер, но они верифицируемы. Юридический факт по своему существу отвечает тем же требованиям» [6. С. 220].

Другим аргументом в пользу якобы невозможного установления истины в уголовном судопроизводстве является утверждение, что установление обстоятельств в уголовном судопроизводстве подчиняется законам не естественно-научного, а гуманитарного познания, в силу чего закономерности научного познания к уголовному судопроизводству неприменимы.

Данные выводы, однако, также более чем спорны.

Во-первых, познание, осуществляемое в рамках уголовного судопроизводства, невозможно считать полностью гуманитарным. В общепринятом смысле гуманитарное (социальное) познание направлено на изучение социальных явлений: развитие и воспитание отдельного человека, его отношение

с окружающими, а также существование человеческого общества (экономика, политика, образование, культура, духовная сфера).

Познание в сфере уголовного судопроизводства является гуманитарным только в том смысле, что оно ориентировано на познание событий, совершенных людьми, и на выявление следов, образовавшихся в процессе человеческой деятельности. Вместе с тем гуманитарное познание в его классическом понимании направлено на постижение не столько конкретных параметров тех или иных действий (например, места или времени), сколько на уяснение их общественной значимости, характеристику социальных последствий, а также формулирование общественной оценки. Например, когда историки изучают решение того или иного государственного деятеля о начале военных действий против другого государства, их интересуют отнюдь не точное время и место принятия этого решения либо отдельные телодвижения, совершенные при этом. Несомненно, что все названные факты при желании могут быть установлены, однако для исторической науки этого просто не требуется. Данная отрасль знаний имеет целью другое – изучение непосредственных и отдаленных последствий принятия указанного решения, наступивших в результате социально-политических изменений, и выработку на базе этого общественной оценки.

В процессе уголовного судопроизводства, напротив, прежде всего должны быть установлены обстоятельства совершения определенного действия, имеющего уголовно-правовой характер. Познание, осуществляемое в рамках уголовного судопроизводства, по сравнению с гуманитарным имеет гораздо более прикладной и «точечный» характер. Преступление представляет собой вполне конкретный факт реальной действительности, сопровождающийся изменением материальной обстановки. Очевидно, что в процессе уголовного судопроизводства должны быть прежде всего установлены непосредственные обстоятельства, касающиеся чисто «материальных», «видимых» аспектов совершенного деяния, и лишь во вторую очередь – социальные стороны преступления, причем ровно в такой степени, в какой это требуется для принятия решения по делу и реализации иных задач, прямо поставленных законом (например, возмещения причиненного преступлением вреда). Задачей уголовного судопроизводства является не социальная оценка преступления как антиобщественного и опасного поведения, не рассмотрение исторических альтернатив (как бы развивались события, если бы преступление не было совершено), а выяснение конкретных обстоятельств совершения преступного деяния, что относится к прерогативе научного познания.

Во-вторых, нельзя жестко противопоставлять гуманитарное познание естественно-научному. Как отмечено в научной литературе, «в решении проблемы о соотношении социально-гуманитарного и естественнонаучного познания исторически сложились две альтернативные позиции: натурализм и антинатурализм. Представители натурализма не видят различия между естественными и гуманитарными науками и абсолютизируют роль естественнонаучной методологии в познании. <...> Антинатурализм связан с другой крайностью – абсолютным противопоставлением способов исследования социокультурных феноменов естественнонаучным методам познания. <...> Каждая из концепций имеет позитивные моменты, но в целом эти тенденции

страдают односторонностью и не могут выступать в качестве методологической парадигмы для анализа современной картины мира» [7. С. 14].

В процессе гуманитарного познания применяются все философские и общенаучные методы. Гуманитарное познание является особым типом научного познания и отличается от естественно-научного особым отношением познающего субъекта к объекту исследования. М.М. Бахтин подчеркивает, что «в центре гуманитарного познания – познание не вещи, а личности. ... Личность как познаваемое требует не «точности» познания, но глубины «проникновения» [8. С. 409].

В процессе уголовного судопроизводства требуется как раз не «глубина проникновения», а «точность познания», т.е. установление тех аспектов факта реальной действительности, которые относятся к сфере применения естественно-научного познания.

Одним из достаточно своеобразных аргументов в пользу невозможности достижения в уголовном судопроизводстве объективной истины служит увеличение числа нераскрытых преступлений [9. С. 16]. На этот тезис следует обратить особое внимание. При его анализе возникает вопрос: а в чем же причина низкого уровня раскрываемости? Неужели преступники овладели особенными, уникальными технологиями, в принципе недоступными правоприменительным органам и в целом законопослушной части общества? Либо в распоряжении виновных оказались откуда-то полученные технические средства, по своим характеристикам превосходящие достигнутый социумом уровень научно-технического прогресса? Или преступники имеют интеллектуальный уровень, недостижимый для остальной части общества? Очевидно, что указанных обстоятельств не существует. Нет оснований полагать, что арсенал имеющихся в распоряжении человека научно обоснованных познавательных средств в принципе не позволяет установить механизм совершения преступного деяния. Также очевидно, что сделанное одним человеком может быть познано другим. Следовательно, любое преступление может быть раскрыто. При этом необходимо разделять изначальную возможность установления механизма события и реальное выявление соответствующих обстоятельств. Не каждое преступление раскрывается в действительности, несмотря на принципиальную возможность. Причиной того выступают различные факторы объективного и субъективного порядка. В человеческой деятельности, в том числе и в уголовном судопроизводстве, всегда присутствует некий процент брака, обуславливающий недостижение поставленных задач. Вместе с тем ни одно преступление не раскрыто по причинам познавательного характера.

Нельзя не учитывать, что в ряде случаев комбинации случайностей приводят и к раскрытию преступлений, в том числе и спустя много лет после их совершения. Приведем наиболее резонансный пример. В 2015 г. мир облетела сенсационная новость об установлении личности Джека Потрошителя, совершившего не менее 6 убийств в Лондоне в 1888 г. Во время расследования наиболее вероятными подозреваемыми полиция считала 6 человек, в том числе эмигранта из Польши Аарона Космински, однако в отношении никого из них не удалось собрать совокупность доказательств, достаточную для предъявления обвинения и направления дела в суд. Убийства официально

остались нераскрытыми. В 2007 г. энтузиастом-любителем Расселом Эдвардсом на аукционе была приобретена шаль с двумя пятнами, обнаруженная полицейским в 1888 г. рядом с телом одной из убитых – Кэтрин Эддоус. Полицейский не сдал находку в установленном порядке, а подарил своей жене, которая шаль не носила и не стирала. После смерти данных лиц шаль хранилась у их потомков и так и не была выстирана. Эдвардсом после приобретения шали были получены образцы ДНК у потомков 6 подозреваемых и убитой Эддоус. ДНК-анализ установил, что совпадение в ДНК Космински по первому пятну составляет 99,2%, по второму – 100%. Совпадение с ДНК других подозреваемых и потерпевшей находилось в пределах погрешности [9]. Справедливости ради, следует отметить, что официальных оценок причастности Космински к убийствам правоохрнительными органами Великобритании не дано, а экспертным сообществом отдельные элементы проведенных исследований признаны не вполне корректными, однако в данной ситуации показательна сама сущность рассматриваемой проблемы.

При этом главным фактором, позволяющим добиваться более эффективного раскрытия преступлений, выступают не случайности, а поступательное движение научно-технического прогресса. Исходя из этого, наличие принципиальной возможности раскрытия каждого отдельного преступления обуславливает необходимость законодательного закрепления именно этой цели. Иными словами, в нормативные акты недопустимо закладывать процент брака в работе, ссылаясь на то, что в реальной жизни он всегда присутствует.

Еще один аргумент, часто используемый противниками объективной истины в уголовном судопроизводстве, заключается в том, что законодательное закрепление этого правила будет означать постановку в правоприменительной деятельности задачи раскрытия преступлений любой ценой, за счет ущемления прав участников уголовного судопроизводства. Так, В.В. Золотых указывает, что «современное законодательство ставит «непреодолимое препятствие» для достижения судом материальной истины. Могут ли способствовать достижению объективной истины такие предусмотренные Конституцией положения, как недопустимость использования при осуществлении правосудия доказательств, полученных с нарушением закона; толкование сомнений в виновности лица в его пользу; свидетельский иммунитет; право обвиняемого пользоваться помощью адвоката и др.? Конечно же, нет. И тем не менее законодатель пошел на это, отдав предпочтение достижению истины «во что бы то ни стало» законности и соблюдению прав человека» [10. С. 37].

Между тем прямая параллель между указанными факторами выглядит более чем сомнительной. Введенные законодателем ограничения, запрет определенных действий в процессе доказывания отнюдь не свидетельствуют об отказе от необходимости установления фактических обстоятельств совершения преступления. Законодатель учитывает, что достигнутый уровень научно-технического прогресса позволяет получать информацию о преступлении различными способами, причем эта поливариантность в итоге позволяет достичь необходимого результата. Недопустимость применения насилия в процессе получения доказательств не только не препятствует, но, напротив, способствует установлению истины. Неужели в периоды массового использова-

ния пыток и жестоких средств обращения лучше и эффективнее достигалась объективная истина? Вовсе нет, люди оговаривали себя и других, признаваясь в немыслимых преступлениях, которых не совершали. Достаточно ознакомиться с приговорами, вынесенными в нашем государстве в 30-е гг. XX столетия, и теми доказательствами (прежде всего показаниями), положенными в их основу, чтобы понять, насколько далеко отстояли друг от друга цели конкретной правоприменительной практики, обслуживавшей запросы политического руководства страны, и установление истины по тем обстоятельствам, которые были инкриминированы конкретным обвиняемым.

Очевидно, что само по себе провозглашение объективной истины целью уголовного судопроизводства никак не может повлечь каких-либо негативных последствий. Достаточно задать вопрос: каким образом установление действительных обстоятельств происшедшего может привести к ущемлению прав граждан? Необходимо различать гносеологический базис уголовно-процессуальной деятельности и конкретную уголовно-правовую политику, проводящуюся в тот или иной период. В этой связи следует отметить, что советское государство, не будучи демократическим, в силу превратно и односторонне понимаемого приоритета общественных интересов над личными действительно не заботилось о наделении участников уголовного судопроизводства гарантиями, выработанными в мировой правоприменительной практике. С 1990-х гг., однако, данный подход отвергнут. Российская Федерация провозглашена демократическим и правовым государством, активно применяющим общечеловеческие достижения мировой цивилизации. Нет никаких объективных оснований утверждать, что указанные изменения не коснулись уголовного судопроизводства.

Еще одно возражение против провозглашения объективной истины целью уголовного судопроизводства сводится к тому, что в этом случае будут объединены процессуальные функции сторон и суда. Например, В.А. Лазарева утверждает, что «суд, стремящийся во что бы то ни стало установить истину, неизбежно переходит на сторону обвинения». Сходные аргументы выдвигает А.В. Смирнов [11. С. 81]. А.А. Кухта, добавляя к данным тезисам чисто идеологический аспект, отмечает: «Современные приверженцы концепции «объективной истины»... выступают не с каких-то объективных, научных позиций, а выражают определенную идеологию, то есть систему определенных ценностей, получивших распространение и признание, в том числе через закрепление в позитивном праве, в определенном историческом контексте. Если называть вещи своими именами, то концепция объективной истины выражает идеологию инквизиционного (следственного, розыскного) процесса. <...> Концепция «объективной истины» составляет идеологию правового авторитаризма. <...> С объективной истиной тесно связан постулат о том, что ни одно преступление не должно остаться нераскрытым, а виновный – безнаказанным. Будучи красивым на бумаге, это требование представляет опасность для прав личности» [12]. Продолжая рассуждения в духе данной логики, А.А. Кухта констатирует, что «приговор суда – это оценочный текст, в нем нет места естественнонаучной истине. <...> Приговор суда должен восприниматься общественным мнением как справедливый, только

тогда цель правосудия – обеспечение определенности, стабильности в обществе – может считаться достигнутой» [12].

С приведенной аргументацией также очень сложно согласиться прежде всего в силу ее явной идеологизированности и, как следствие этого, системной слабости. Признание целью уголовного судопроизводства достижение объективной истины и слияние процессуальных функций (в частности, обвинения и разрешения дела) отнюдь не находится между собой в причинно-следственной связи, тем более в безусловной.

Во-первых, как правильно отмечено в научной литературе, «объективная истина не имеет ничего общего с какой-либо политической идеологией. <...> Объективная истина не относится к идеологии, а является базовой категорией научного познания» [13. С. 11]. Столь однозначная привязка объективной истины к господствовавшей ранее тоталитарной идеологии как раз и является идеологическим приемом, призванным дискредитировать иную точку зрения исключительно по эмоциональной и лозунговой составляющей.

Во-вторых, недопустимо смешивать роль суда как социально-политического института и как участника уголовно-процессуальной деятельности. Как социально-политический институт суд, безусловно, обязан принимать все меры к тому, чтобы лица, фактически совершившие преступления, получили бы адекватную правовую оценку своим действиям и понесли за них заслуженное наказание. Вместе с тем это отнюдь не означает, что суд должен рассматривать уголовные дела с обвинительным уклоном, добиваясь любой ценой вынесения обвинительного приговора в отношении лица, признанного подсудимым по конкретному делу. Напротив, именно социально-политический характер деятельности суда обуславливает его обязанность устанавливать подлинного виновного. Если бы суд просто разрешал спор между двумя сторонами, осуждение фактически невиновного не являлось бы значимой проблемой. В этом случае приходилось бы просто констатировать, что сторона обвинения выглядела более убедительной и представила такие доказательства, против которых у стороны защиты не нашлось весомых контраргументов. Однако социально-политический аспект судебной деятельности делает неправосудное судебное решение (прежде всего обвинительный приговор) чрезвычайным обстоятельством. Именно поэтому оправдание невиновного направлено не только на его реабилитацию, но и на выявление лица, фактически совершившего преступление, поскольку именно такое решение обуславливает право и обязанность органов предварительного расследования и прокуратуры продолжать деятельность по поиску виновного.

В-третьих, суд как участник уголовного судопроизводства обязан сохранять нейтралитет, не переходя на позиции ни обвинения, ни защиты. Вместе с тем нейтралитет по отношению к сторонам и пассивность при исследовании обстоятельств дела – принципиально различные вещи. Если нейтралитет позволяет принять законное и обоснованное решение, то пассивность, напротив, часто исключает это. Л.М. Володина в этой связи справедливо отмечает, что «особенностью континентальной системы уголовного процесса, важной частью его построения всегда была нацеленность на установление истины. Основным началом континентального уголовного процесса является публичность, а не обеспечение формального равенства сторон. Состязательность как

способ исследования должна быть направлена в русло достижения истины» [3]. Следует согласиться и с С.В. Зуевым, указывающим, что «сложившийся стереотип «отмежевания» судей от борьбы с преступностью под прикрытием своей независимости не совсем соответствует сегодняшним реалиям. Беспристрастность, осуществление правосудия на основе закона в определенном смысле является проявлением противодействия преступности ... со стороны судей» [14]. Совершенно очевидно, что увязка в жесткой логической причинно-следственной связи введения объективной истины как цели уголовного судопроизводства и наделения суда обвинительными обязанностями, «переход» суда на сторону обвинения – крайность, никак не обусловленная логикой рассуждений. Ничто в реализации концепции объективной истины не предполагает ни посягательств на независимость суда, ни на возложение на суд обвинительных функций.

В-четвертых, имевшие место перекосы в судебной деятельности (например, направление дела для производства дополнительного расследования вместо вынесения обвинительного приговора) обуславливаются организационными моментами, не имеющими отношения к концептуальным положениям. В.С. Балакшин справедливо отмечает: «Самая существенная и нежелательная идея... в том, что в качестве цели уголовного процесса и правосудия предлагается определить... принятие решений, пусть и не основанных на достоверно установленных обстоятельствах происшедшего, но формально правильных с точки зрения материальных и процессуальных норм. При этом отодвигаются на второстепенный план такие важные вопросы, как соответствуют ли сформулированные в решении органов следствия и суда обстоятельства содеянного тем, которые имели место в действительности... не осужден ли невиновный, а истинный преступник, сумевший «замести» следы, ушел от ответственности» [15. С. 121–122].

Большой интерес представляет анализ генезиса подходов к истине в уголовном судопроизводстве, произведенный Л.А. Мусаэляном, справедливо отметившим, что формальная истина присуща государствам англосаксонской системы права, при этом в США «капитализм развивался, будучи освобожденным от «гуманистических пут». Порождением этого капитализма и его интеллектуальным выражением стала философия прагматизма, которая... не рассматривает содержание знаний в их отношении к объективной реальности. Характер знаний представители этой философии определяют по их значению для субъекта. <...> В континентальной Европе, особенно в восточноевропейских странах... судопроизводство традиционно основывается на приоритете истинного знания о юридическом факте. Справедливость решения суда в уголовном судопроизводстве не мыслится без достоверного истинного знания о преступлении» [6. С. 222–223].

Таким образом, установление объективной истины в качестве цели уголовного судопроизводства в гораздо большей степени соответствует интересам справедливости. О.Я. Баев в связи с этим эмоционально замечает: «Могут ли иметься какие-либо возражения против необходимости установления «соответствия действительности обстоятельств уголовного дела»? Их нет и быть не может у каждого разумного человека, тем более профессионала в области уголовной юстиции» [16. С. 395].

Вместе с тем невозможно не учитывать, что в определенных ситуациях установить фактические обстоятельства дела в полном объеме не представится возможным и итоговое решение придется принимать на основе собранной совокупности доказательств. Игнорирование данного фактора приведет к декларативности в постановке цели уголовного судопроизводства и изначально обесценит соответствующие правила. Н.П. Кириллова резонно отмечает, что установление объективной истины, как правило, возможно при практически идеальном исполнении сторонами своих обязанностей [17. С. 41].

Выходом из положения представляется формирование новой, более общей концепции судебной истины. Наиболее системно она сформулирована М.К. Свиридовым, отметившим, что «в УПК РФ должна господствовать одна тенденция – достижение объективной истины. <...> Без адекватного отражения в выводах суда того, что произошло, невозможно правильно применить норму уголовного права и тем самым выполнить основное назначение уголовного судопроизводства. При этом... в практике подчас возникают ситуации, в условиях которых, несмотря на все предпринимаемые усилия, объективную истину установить не удастся. В таких случаях, используя презумпцию невиновности, приходится выносить оправдательный приговор, хотя сомнения в невиновности подсудимого остаются. Здесь в основе приговора будет лежать предположительный вывод – формальная истина. Следовательно, без формальной истины иногда не обойтись. Однако такие ситуации должны быть исключением (и в практике они возникают редко)» [18. С. 143]. Сходное понимание судебной истины предложено Д.А. Мезиновым [19. С. 34; 20. С. 102–103; 21].

Именно эти подходы целесообразно взять за основу концепции судебной истины. Представляется возможным выделить ее основные постулаты.

Во-первых, судебная истина предполагает установление фактических обстоятельств совершенного преступления. Только после этого возможно принять по делу законное и обоснованное решение. Таким образом, судебная истина предполагает, что в ходе уголовного судопроизводства должны приниматься все возможные меры по установлению подлинных обстоятельств происшедшего.

Во-вторых, судебная истина достигается только средствами и в порядке, установленными законом. Средствами установления истины (средствами доказывания) выступают те предусмотренные законом действия, которые допускается производить в ходе уголовного судопроизводства для собирания доказательств.

В-третьих, средства достижения истины имеют ряд ограничительных механизмов (например, запрет при производстве следственных и иных действий применения насилия, шантажа, принуждения давать показания, право отказаться от дачи показаний против самих себя и своих близких родственников).

В-четвертых, судебная истина учитывает установленные Конституцией Российской Федерации и уголовно-процессуальным законом презумпции (предположения) и прежде всего – презумпцию невиновности.

В-пятых, судебная истина достигается в условиях состязательного характера уголовно-процессуальной деятельности. Смешанный тип уголовного

судопроизводства, принятый в государствах романо-германской правовой системы, в том числе и в Российской Федерации, обуславливает различное проявление состязательности на разных стадиях процесса. Досудебные стадии сконструированы в целом по розыскному типу, с наличием элементов состязательности (право невластных участников уголовного судопроизводства на участие в доказывании, в том числе путем заявления ходатайств о производстве следственных действий, отклонить которые следователь не вправе; участие защитника в проведении процессуальных действий; судебный контроль за расследованием и т.п.). Судебные стадии полностью построены по состязательному типу, без элементов розыска. Наличие указанных элементов состязательности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства не препятствует сбору доказательств, а, напротив, повышает эффективность соответствующей деятельности, поскольку гарантирует от принятия следователем произвольных решений, обусловленных исключительно его видением сложившейся по делу ситуации и достаточности установленных сведений для принятия решения. Кроме того, данные элементы состязательности обеспечивают более высокий уровень защиты прав невластных участников уголовного судопроизводства. В суде же «диалоговый характер разбирательства, отсутствие у какой-либо из сторон изначального преимущества перед другой обеспечивает большую устойчивость установленных обстоятельств перед критикой общественного мнения, в результате чего судебное решение воспринимается как справедливое не только профессиональным сообществом, но и широкими слоями населения» [22. С. 160].

В-шестых, судебная истина предполагает профессиональное оценивание полученных результатов. Характер уголовно-процессуальной деятельности таков, что промежуточные и окончательные решения по уголовному делу, отражающие результаты оценки собранных доказательств и законности произведенных для этого действий, могут принять лишь специальные субъекты – следователь, прокурор, суд.

В-седьмых, при полной исчерпанности возможностей доказывания истиной объявляется решение, вынесенное на основе собранной совокупности доказательств. Это то обстоятельство, которое специфическим образом характеризует именно судебную истину. В уголовном судопроизводстве в некоторых ситуациях, когда возможности дальнейшего установления фактов объективно исчерпаны, решение принимается на основе той совокупности доказательств, которая собрана в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства. Такие ситуации являются предельными с гносеологической точки зрения, предполагая сбор максимального числа доказательств, насколько это вообще объективно возможно. При этом действует правило «минимальной репрессии», в соответствии с которым действия обвиняемого квалифицируются по тому составу преступления, который достоверно подтвержден совокупностью собранных по делу доказательств. Например, лицо произвело выстрел в потерпевшего, который от полученных ранений скончался. При невозможности установить умысел действия виновного будут квалифицироваться как причинение смерти по неосторожности, хотя вполне возможно, что фактически он действовал умышленно.

Данный подход соответствует и принципу презумпции невиновности. Вместе с тем его реализация отнюдь не означает, что законодатель и правоприменительная практика ставят интересы установления истины в подчиненное и второстепенное положение по сравнению с какими-либо иными обстоятельствами, как полагают критики объективной истины. Дело совершенно в другом. Законодатель, требуя полного и всестороннего выяснения обстоятельств совершения преступления, в строго определенных случаях, в порядке исключения, предусматривает обязанность принятия решения на основе собранных доказательств. Ни о каком отказе от установления объективной истины в данных ситуациях речь не идет и идти не может.

Представляется, что концепция судебной истины сможет выполнить объединительную роль и в известном смысле привести к единому знаменателю сторонников объективной и формальной истины в уголовном судопроизводстве, что, в свою очередь, позитивно скажется на правоприменительной практике.

Литература

1. Руденко А.М. Философия в схемах и таблицах: учеб. пособие. 3-е изд.. Ростов н/Д: Феникс, 2015. 382 с.
2. Спиркин А.Г. Философия: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт: ИД «Юрайт», 2012. 828 с.
3. Володина Л.М. Проблемы уголовно-процессуальной политики // Стратегии уголовного судопроизводства: материалы Междунар. конф., посвященной 160-летию годовщины со дня рождения проф. И.Я. Фойницкого. 11–12 октября 2007 г. СПб., 2007 [Электронный ресурс] URL: http://www.iaaj.net/1_oldmasp/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=21 (дата обращения: 17.02.2016).
4. Бернэм У. Суд присяжных заседателей. М., 1995.
5. Никитаев В.В. Проблемы ситуации уголовного процесса и юридическое мышление. Состязательное правосудие // Тр. научно-практических лабораторий. М., 1990. Вып. I, ч. II. С. 300–306.
6. Мусаэлян Л.А. К проблеме введения в уголовное судопроизводство института установления объективной истины по делу // Вестн. Перм. юрид. ун-та. Юридические науки. 2014. № 2 (24). С. 218–228.
7. Новолодская Т.А., Садовников В.Н. Философские проблемы социально-гуманитарного знания: учеб. пособие. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т информационных технологий, механики и оптики, 2008. 206 с.
8. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
9. Парикмахер Аарон Космински – Джек Потрошитель? [Электронный ресурс]. URL: <http://draco-argento.livejournal.com/252118.html> (дата обращения: 17.02.2016).
10. Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 288 с.
11. Смирнов А.В. Состязательный процесс. СПб.: Альфа, 2001. 320 с.
12. Кухта А.А. Природа «судебной истины», постигаемой в уголовном судопроизводстве // Стратегии уголовного судопроизводства: материалы Междунар. конф., посвященной 160-летию годовщины со дня рождения проф. И.Я. Фойницкого. 11–12 октября 2007 г. СПб., 2007 [Электронный ресурс] URL: http://www.iaaj.net/1_oldmasp/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=21 (дата обращения: 17.02.2016).
13. Смирнов Г.К. Восстановление в УПК РФ объективной истины как цели доказывания // Уголовный процесс. 2012. № 4. С. 10–17.
14. Зуев С.В. Реконструкция уголовного судопроизводства России в условиях стратегического противодействия преступности // Стратегии уголовного судопроизводства: материалы Междунар. конф., посвященной 160-летию годовщины со дня рождения проф. И.Я. Фойницкого.

го. 11–12 октября 2007 г. СПб., 2007 [Электронный ресурс]. URL: http://www.iuaj.net/1_oldmasp/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=21 (дата обращения: 17.02.2016).

15. Балакишин В.С. Допустимость доказательств: понятие, правовая природа, значение и алгоритм оценки: науч.-практ. пособие. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2013. 316 с.

16. Баяв О.Я. Под флером объективной истины (о законопроекте об объективной истине в уголовном судопроизводстве) // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. «Право». 2012. № 2 (13). С. 394–410.

17. Кириллова Н.П. Санкт-Петербургская уголовно-процессуальная школа и проблемы установления истины в суде // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: сб. ст. по материалам: Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексеева / С.-Петерб. гос. ун-т; под ред. Н.Г. Стойко. СПб., 2015. С. 35–42.

18. Свиридов М.К. Установление истины на предварительном расследовании и в судебном разбирательстве // Правовые укрепления российской государственности / отв. ред. М.К. Свиридов, Ю.К. Якимович; под ред. О.И. Андреевой, И.В. Чадновой; Национальный исследовательский Томский государственный университет. Томск, 2014. С. 143–148.

19. Мезинов Д.А. О понятии юридической (судебной) истины в уголовном судопроизводстве // Правовые укрепления российской государственности / отв. ред. М.К. Свиридов, Ю.К. Якимович; под ред. О.И. Андреевой, И.В. Чадновой; Национальный исследовательский Томский государственный университет. Томск, 2014. С. 31–37.

20. Мезинов Д.А. О возможности и критериях достижения объективной истины в уголовном процессе // Вестн. Том. гос. ун-та. 2010. № 339.

21. Мезинов Д.А. Объективна ли истина, устанавливаемая в уголовном процессе? // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 177–191.

22. Пастухов П.С. Доказывание по уголовному делу до суда и в суде // Общество и право. 2013. № 2 (44). С. 159–163.

Stelmach Vladimir Y. Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ekaterinburg, Russian Federation)

THE NATURE OF TRUTH IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Key words: criminal procedure, the purpose of the proceedings, the knowledge, the objective truth, truth, justice.

The article discusses the question of the purpose of criminal proceedings. Based on the fact that the law rules aimed at clarifying all relevant circumstances of the crime and determine the cause of a lawful, reasonable and fair solution, it is concluded that the purpose of the criminal justice serves the truth. The author analyzes the existing at the moment the concept of objective (material) and formal (procedural truth), argues in favor of the concept of objective truth, because only after its achievement possible in the case of the imposition of lawful, reasonable and fair solution. It is alleged that the objective truth is the result of the use in criminal proceedings methodology of scientific knowledge. Criticized statements about the impossibility of achieving the objective truth. It is argued that, in principle, the circumstances of any offense can be established, and this result is due to the lack of organizational, but not epistemological factors. The author discusses the thesis that the criminal proceedings is a form of humanitarian, rather than scientific knowledge. Humanitarian it is only in the sense that the instrument is directed at understanding human behavior. However, all other parameters in the knowledge of the criminal trial is a research. On the basis of mature perspectives offered the principles of judicial concept of truth: 1) the need to establish the factual circumstances of the crime, that is the objective nature of truth; 2) to achieve only by means of and in the manner established by law; 3) the existence of statutory restrictive mechanisms (the possibility of refusing to testify against himself or his close relatives, ban the use of threats and intimidation in obtaining evidence); 4) accounting presumptions (first of all - the presumption of innocence); 5) adversarial criminal procedure with the differentiation of the elements of competitiveness and tracing the various stages of criminal proceedings (in the pre-trial stages of the prevalence of search components using individual elements of competition in the judicial phase of the overall competitiveness); 6) professional assessment of the results obtained with the simultaneous need to achieve public support for the decisions taken; 7) announcing

the full truth exhaustion proof solutions capabilities, issued on the basis of the collected body of evidence in the interpretation of all of doubt in favor of innocence or lesser culpability.

References

1. Rudenko, A.M. (2015) *Filosofiya v skhemakh i tablitsakh* [Philosophy in diagrams and tables]. 3rd ed. Rostov on Don: Feniks.
2. Spirkin, A.G. (2012) *Filosofiya* [Philosophy]. 3rd ed. Moscow: Yurayt.
3. Volodina, L.M. (2007) [Issues of criminal procedure policy]. *Strategii ugolovnogo sudoproizvodstva* [Criminal Justice Strategy]. Proc. of the International Conference. St. Petersburg. October 11–12, 2007. St. Petersburg. [Online] Available from: http://www.iaaj.net/1_oldmasp/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=21. (Accessed: 17th February 2016). (In Russian).
4. Burnham, W. (1995) *Sud prisyazhnykh zasedateley* [The Jury]. Moscow: Moscow Independent Institute of the International Law. pp. 116–118.
5. Nikitaev, V.V. (1990) Problemy situatsii ugolovnogo protsessa i yuridicheskoe myshlenie [The situation of the criminal process and legal thinking]. In: Nikitaev, V.V. (ed.) *Sostyazatel'noe pravosudie* [Adversarial Justice]. Moscow: [s.n.]. pp. 300–306.
6. Musaelyan, L.A. (2014) K probleme vvedeniya v ugolovnoe sudoproizvodstvo instituta ustanovleniya ob'ektivnoy istiny po delu [On the introduction of the institute of the objective truth in the case into the criminal proceedings]. *Vestnik Permskogo yuridicheskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Yuridical sciences*. 2(24). pp. 218–228.
7. Novolodskaya, T.A. & Sadovnikov, V.N. (2008) *Filosofskie problemy sotsial'no-gumanitarnogo znaniya* [Philosophical problems of social and humanitarian knowledge]. St. Petersburg: St. Petersburg State University of information Technologies, Mechanics and Optics.
8. Bakhtin, M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskustvo.
9. Livejournal.com. (2014) *Parikmakher Aaron Kosminski – Dzhak Potroshitel'?* [The Barber Aaron Kosminski – Jack the Ripper?]. [Online] Available from: <http://draco-argento.livejournal.com/252118.html>. (Accessed: 17th February 2016).
10. Zolotikh, V.V. (1999) *Proverka dopustimosti dokazatel'stv v ugolovnom protsesse* [Checking the admissibility of evidence in criminal proceedings]. Rostov on Don: Feniks.
11. Smirnov, A.V. (2001) *Sostyazatel'nyy protsess* [The adversarial process]. St. Petersburg: Al'fa.
12. Kukhta, A.A. (2007) [The nature of “judicial truth” comprehended in the criminal trial]. *Strategii ugolovnogo sudoproizvodstva* [Criminal Justice Strategy]. Proc. of the International Conference. St. Petersburg. October 11–12, 2007. St. Petersburg. [Online] Available from: http://www.iaaj.net/1_oldmasp/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=21. (Accessed: 17th February 2016). (In Russian).
13. Smirnov, G.K. (2012) Vostanovlenie v UPK RF ob'ektivnoy istiny kak tseli dokazyvaniya [Recovery of the objective truth as the purpose of proving in the Code of Criminal Procedure]. *Ugolovnyy protsess*. 4. pp. 10–17.
14. Zuev, S.V. (2007) [Reconstruction of the Russian criminal proceedings under strategic counteractin to crimes]. *Strategii ugolovnogo sudoproizvodstva* [Criminal Justice Strategy]. Proc. of the International Conference. St. Petersburg. October 11–12, 2007. St. Petersburg. [Online] Available from: http://www.iaaj.net/1_oldmasp/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=21. (Accessed: 17th February 2016). (In Russian).
15. Balakshin, V.S. (2013) *Dopustimost' dokazatel'stv: ponyatie, pravovaya priroda, znachenie i algoritm otsenki* [Admissibility of evidence: The concept, legal nature, value, and algorithm of assessment]. Ekaterinburg: Ural Polytechnic Institute.
16. Baev, O.Ya. (2012) Under the crape an objective truth (about the bill “About an objective truth in criminal legal proceedings”). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Proceedings of Voronezh State University. Law*. 2(13). pp. 394–410. (In Russian).
17. Kirillova, N.P. (2015) Sankt-Peterburgskaya ugolovno-protsessual'naya shkola i problemy ustanovleniya istiny v sude [St. Petersburg school of criminal procedure and the problem of establishing the truth in court]. In: Stoyko, N.G. (ed.) (2015) *Obvinenie i zashchita po ugolovnym delam: is-*

toricheskiy opyt i sovremennost' [Prosecution and defense in criminal cases: The historical experience and the present]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 35-42.

18. Sviridov, M.K. (2014) Ustanovlenie istiny na predvaritel'nom rassledovanii i v sudebnom razbiratel'stve [The establishment of the truth during the preliminary investigation and in court proceedings]. In: Andreeva, O.I. & Chadnova, I.V. (eds) *Pravovye ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal strengthening of Russian statehood]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 143-148.

19. Mezinov, D.A. (2014) O ponyatii yuridicheskoy (sudebnoy) istiny v ugovnom sudoproizvodstve [On the concept of legal (judicial) truth in criminal proceedings]. In: Andreeva, O.I. & Chadnova, I.V. (eds) *Pravovye ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal strengthening of Russian statehood]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 31-37.

20. Mezinov, D.A. (2010) O vozmozhnosti i kriteriyakh dostizheniya ob"ektivnoy istiny v ugovnom protsesse [On the possibility and criteria for achieving the objective truth in the criminal process]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 339.

21. Mezinov, D.A. (2012) Ob"ektivna li istina, ustanavlivaemaya v ugovnom protsesse? [Is the truth achieved in the criminal trial objective?]. *Biblioteka kriminalista*. 4. pp. 177-191.

22. Pastukhov, P.S. (2013) Dokazyvanie po ugovnomu delu do suda i v sude [Proving the criminal case before and in the court]. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*. 2(44). pp. 159-163.